

ВАЛЕНТИНА ИЛЬЯНКОВА
АЛЕКСАНДР КОРЕНЮГИН

МАГНИТНЫЕ БУРИ

16+

Валентина Ильянкова

Магнитные бури

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ильянкова В. М.

Магнитные бури / В. М. Ильянкова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Радиация солнца и космоса, солнечный ветер и магнитное поле земли, от их столкновения возникают магнитные бури, которые могут оказать катастрофическое воздействие на землю. Магнитные бури в природе существовали всегда и будут существовать, это неизбежно. Но земля защищена магнитным щитом, который сохраняет биосферу и жизнь на Земле. А если человек попадает под ударную волну или в агрессивные поля других людей с поврежденной аурой черного цвета? Как в этом варианте очиститься от кислотного поля и снова трансформироваться в счастливую жизнь на земле? Верить, что это Ваш крест, Ваше испытание, но Вы в силах все преодолеть.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.dreamstime.com/> по лицензии Royalty Free

Художник-оформитель обложки – Орлова Кристина Викторовна.

Предисловие

В зарешеченное окно следственного изолятора заглянул первый утренний лучик солнца и заискрился разноцветными бликами на граненом стекле.

«Нашел, где веселиться... Не ко времени и месту ты тут разыгрался. Меня, вот, разбудил. А зачем? Ты через пару минут исчезнешь, а я останусь думать думать? Зачем, почему и как исправить...», – упрекнул Андрей игривое пятнышко яркого света и взглянул на часы – до подъема и уборки постели было еще, ой, сколько режимного времени!

Всего полгода назад, это было самое замечательное время дня: можно еще пару часов провести в горизонтальном положении. В полудреме, неге, счастье от жизни и начала нового дня... Лежи себе на сияющей чистоте постели в спальне из карельской березы и наслаждайся каждым мгновением такой короткой земной жизни.

Но это там, в недалеком прошлом... Там, совсем рядышком, в его кровати, спала нежная, хрупкая, любимая и такая домашняя, уютная женщина. Руку протяни... и вот она – счастье, источник и двигатель новаций его жизни. Да, все было! Жизнь, полная радости, и любовь, во имя которой можно не только вершины покорять, но даже поступки безумные себе позволить.

Шесть месяцев прошло с тех пор, когда его руки окольцевали наручники, а жизнь уже разделена на две части – «прошлая» и «нынешняя, в режиме ожидания». Нет, любимая где-то рядом, не оставила, не бросила, не нашла другого. Продуктовые передачи, вещи, переговоры с адвокатами – все она, все за ней. Пока успевает, решает, живет в бешеном ритме. Надолго ли ее хватит? Она ведь привыкла к другой, благополучной жизни, за спиной любимого мужчины. Пока еще не мужа, но необходимость в проштампованных паспортах они оба в жизни «прошлой» не рассматривали. Жили, как живется! А жилось хорошо, в любви, согласии и достатке. Без семейных ссор и выяснений отношений. Она – умница, мудрая и ласковая «тихоня» и скромница, спокойно и без истерик гасила все их ссоры и обиды в самом зародыше. Жизнь в райских кущах оказалась короткой, в один момент – лавина несчастий и бед. Хрупкое счастье разрушено, благополучная жизнь прекратила свое существование, ушла в небытие.

В жизни «в режиме ожидания»: для него узкая, темная камера следственного изолятора, по два квадратных метра на каждого подследственного. Двухэтажные нары вдоль неопрятных стен, постельное белье серого цвета и странного запаха едкой дезинфекции, храпящие сокамерники, привыкшие залезать под одеяло в грязных носках с соответствующим амбре. И допросы! Нет, скорее, ожидания допросов... Следственные эксперименты и очные ставки со свидетелями, истцами и прочими заинтересованными и другими, просто любопытными лицами, это редко, или даже никогда. Все зависит от желания и настроения следователя, нудная это работа. Повестки, протоколы – следователь Андрея явно уклонялся от этой части своих обязанностей. Выжидал и пускал все на «самотек».

Для нее (он не сомневался, он в это верил): паника, тоска от бессилия, полный жизненный хаос, когда ты не распоряжаешься своей жизнью, а живешь по обстоятельствам, которые тебе диктует неопределенных лет следователь по делу.

На этом этапе своих раздумий Андрей глубоко вздохнул и сжал губы в упрямую складку.

«Нет, – в очередной раз приказал он себе, – даже для сокращения разлуки с тобой, любимая, я не подпишу признательные показания, которые сочинил этот негодяй! Ты же понимаешь, что признание в том, чего не совершал уничтожит не только мою репутацию на ближайшие годы, но и толкнет меня в сточное болото, из которого мне придется выбираться всю оставшуюся жизнь. Успею ли очиститься? И зачем она мне, растоптанная и поруганная жизнь? Нет, никаких признаний, буду верить, что мы живем в цивилизованном мире, где существует высшая справедливость, прописанная в Конституции и Законах страны. Я не прогнусь под

следователя с его убогими и гнусными методами работы с подследственными. И мы с тобой победим, любимая. Ты только жди!»

Андрей откинул колючее одеяло и встал. Долгое пребывание в горизонтальном положении на тюремной койке калечило тело, в первую очередь костный скелет. Тонкий, засаленный, ватный матрасик корежился буграми, не держал форму, постоянно съезжал и проваливался между металлическими прутьями, из которых было сооружено это страшное ложе, определенно неподходящее для отдыха. Интересно было бы узнать, чей интеллект, глобально изуродованный ненавистью к своим соплеменникам, изобрел эту металлическую конструкцию тюремной кровати? Еще нет приговора, а подозреваемого «система правосудия» уже медленно, но верно уничтожает.

«Что ты еще придумаешь, господин следователь, чтобы сломать меня? Попытки сном на железках я как-то переживу. Общество странных сокамерников – тоже. Еда? Выдержу. Все это ерунда! Конечно, будь ты нормальным человеком, то попросил бы я тебя, чтобы ты разрешил свидание с моей любимой девочкой. Хотя бы на несколько минут. Во-первых, ее, мою Лизу увидеть, вдохнуть запах ее тела. Во-вторых, узнать, как сейчас обстоят дела в моем бизнесе. Справляется мой заместитель с управлением компанией? Или счета компании арестованы, а структура успешного бизнеса рушится и разваливается?»

Ведь так не повезло – какой-то странный следователь, с внушительными звездами на погонах, но без должного усердия в расследовании и уважительного отношения к законам страны. Все у него построено на догадках и эмоциях. По-настоящему он не расследовал уголовное дело, а писал криминальную повесть, строя сюжет на своих фантазиях и личных предчувствиях. И только, когда заканчивал очередную главу, брал тайм-аут на день-два. Начиналась творческая работа – свои фантазии и домыслы следователь подгонял под действующее законодательство и соответствующие статьи уголовного кодекса.

Затем все-таки наступало время допросов и очных ставок, но уже с давлением и подтасовками под нужный результат. И почти всегда нужный результат следователь получал. Сломать психику подследственного проще всего именно в тесной камере СИЗО – полная изоляция от родственников и друзей, ущербное питание, отвратительные бытовые условия, а в соседях по камере, скорее всего по его, следовательскому, распоряжению только бомжи или убийцы. И подсказки или даже приказы от самого их величества, господина следователя: «говори, иначе останешься в СИЗО до конца жизни», или еще круче «изголодались, однако, твои сокамерники по женской ласке, того и гляди, чтобы тебя не попользовали». Конечно, страшно, но Андрей Балашов оказался несговорчивым – угрозы молча выслушивал, на тяготы быта не жаловался, ничего не просил, протоколы допросов внимательно читал, самооговор решительно отклонил! Тормознула карьера следователя на этом упрямце!

Охранники в СИЗО рассказывали, что раскрываемость преступлений у этого любимчика фортуны стопроцентная, а впереди безоговорочный взлет по карьерной лестнице. Во всяком случае не ниже, чем начальник областного управления следственного Комитета.

Подполковник Юрий Николаевич Зенкин уже два года, как был назначен следователем по особо важным делам. Первые несколько месяцев после назначения гордо потряхивал потяжелевшими погонами, но потом заскучал, а сейчас и вовсе был уверен, что давно перерос эту должность, пора бы и очередную звезду на погоны прикрутить, да и должность поменять на более высокую, руководящую. Надоела ему маята с подозреваемыми и их показаниями, которые непременно нужно было выбивать из упрямцев силой и следовательской хитростью. Должность начальника управления должна была круто изменить его должностные обязанности, да и жизнь в целом. Власть, достойное денежное довольствие, служебный транспорт и так далее, вплоть до социального статуса. А там, глядишь, и вершины Следственного Комитета можно покорять... Все будет, а пока... Работать с упрямым Балашовым еще то удовольствие... Упрям,

как осел, несколько лет жил в Европе, вот и придумал свою теорию о справедливости и главенстве Закона над обстоятельствами.

«Ну, ничего, – раздраженно размышлял Зенкин, – я придумал, как, и чем тебя раздавить. Ты долго, да всю жизнь, будешь помнить Юру Зенкина. Ты будешь землю грызть и волком выть по ночам. Зря ты не пошел на компромисс. Другой на твоём месте уже давно бы предложил мне какую-то долю в своём бизнесе. Конечно, на десяток акций я бы не согласился, а вот солидный пакет мог бы и принять. Компания твоё прибыльная, а мне лишняя копейка никак не помешает. Тупой ты, однако, господин бизнесмен, подозреваемый Андрей Балашов. Конечно, и сейчас не поздно. Одной фразой ты можешь изменить свою жизнь: мол, так и так, господин следователь, учитывая Вашу хватку в делах, хочу Вас пригласить к себе в партнёры, и подарить Вам часть своих акций. Мы уже давно могли быть и партнёрами, и друзьями. Кстати, при таком раскладе твоё «телка» была бы при тебе. В твоё постельке... Ну, ты и дурак! А сейчас, что? Я вынужден запустить программу твоего уничтожения. Дальнейшая твоё жизнь будет построена по следующей схеме – на несколько лет я тебя забуду в СИЗО, а затем, больной физически и морально, ты на долгие годы отправишься в исправительную колонию. Долгие! Это я решу! Иначе я не Юра Зенкин! Фантазер он, видите ли, Конституция и Законы... Да кто их читает? У меня власть, я и определю тебе законы, по которым ты дальше будешь жить! Или даже не жить, а влачить жалкое существование. Больной позвоночник, разрушенная психика, не бизнес, а самая приличная для тебя работа дворника, койка в общежитии. И любовь... Нет, не с твоё барышней, а с бомжихой из ближайшей подворотни. И всё это – твой выбор. Так-то!»

Глава 1

Прошло еще полгода... В жизни Андрея за это время практически ничего не изменилось. Все тот же СИЗО, тюремная кровать для скручивания позвоночника в спираль, ежедневная баланда вместо еды. Лизу он уговорил уехать в Израиль на долгосрочную реабилитацию травмированной психики. И она уехала. Сейчас через своего адвоката он получал от нее короткие записочки с вопросами о его здоровье. Ответы ей Андрей передавал все через того же адвоката. Это было их совместное решение: скрыть от досужих дознавателей ее местонахождение. Андрей берег ее, свою малышку Лизу, в данной ситуации от посягательств правоохранительных органов. Мало ли какие фантазии посетят голову следователя, и Лизу включают в состав организованной группы, которую в жизни «прошлой» якобы организовал он, Андрей Балашов. Включат? Так уже включали: первой арестовали именно Лизу, и обвинили в изготовлении и сбыте поддельных денег и ценных бумаг. А точнее, американской валюты и государственных облигаций, которые за фальшивые деньги Лиза, якобы и купила. Эти облигации нашли в доме Андрея при обыске, и, самое удивительное, – они были фальшивые. Да, деньги он дал Лизе, двадцать тысяч долларов США. Для шопинга. Она хотела купить себе новую одежду. Потом эти деньги она одолжила однокласснику Андрея – Толяну Откуда он появился в Лизиней жизни Андрей до сих пор не знает. В качестве залога Толян передал Лизе минфиновские облигации, а потом сам же написал заявление в милицию, о том, что Лиза одолжила ему деньги, а они оказались фальшивыми, а он в залог ей передал самые настоящие облигации, которые затем каким-то чудесным образом оказались тоже фальшивые. Лизу арестовали и поместили в СИЗО. Андрею эту странную историю Лизинего падения в мошенничество рассказала дежурный адвокат, которая присутствовала при первом допросе Лизы. Адвокат нервничала, путалась в словах, основную суть допроса и показания Лизы дословно не могла вспомнить и все твердила:

– Как-то так... Дословно не помню, допрос начали в конце рабочего дня и продолжался он до глубокой ночи, я устала, но ее все-таки защищала. Поэтому Вы должны оплатить мою работу. Я состою в штате юридической консультации и не обязана работать сверхурочно. Вашу женщину допрашивали после окончания рабочего времени, что не входит в мои должностные обязанности.

– За что Вам платить, – раздраженно спросил Андрей, – за то, что Вы ничего не помните? Вы на допросе сладко подремывали, а я еще и деньги Вам должен заплатить? Когда вспомните детали допроса, мне их расскажите, вот тогда и заплачу я Вам, много. Вы думайте и звоните.

Андрей понял, что адвокат на допросе представляла интересы скорее следователя, чем Лизы. В чем Лиза под диктовку следователя и адвоката успела «признаться» он не знал, но понял, что Лизу надо спасать и для этого на данный момент есть только один доступный и достаточно простой способ – самому занять ее место. Он сумеет лучше Лизы разобраться в деталях дела.

На следующий день после ареста Лизы он пошел в отделение милиции и сделал заявление, что деньги, которые изъяли из сумочки Лизы, на самом деле принадлежат ему, Андрею Балашову, и привез он их из Европы. Конечно, его немедленно арестовали... Но самое главное – с Лизы сняли все обвинения и выпустили из СИЗО.

Это было начало уголовной истории Андрея Балашова. Когда он писал чистосердечное признание, была уверенность, что пару недель и все встанет на свои места. Ведь деньги на подлинность он еще в Бельгии проверил в местном банке. Тогда деньги были подлинные. А когда же они переквалифицировались в фальшивку? Надеялся Андрей, что эта история вот-вот закончится, но дни шли, а американские купюры так и продолжали оставаться фальшивыми.

Обратную версию следователь не рассматривал, и уж тем более, не доказывал. Или пиши чисто-сердечное признание – где спрятано оборудование, сколько напечатали американской валюты, как сбывали и так далее по списку. Или Лиза снова будет арестована и помещена в СИЗО.

Идею спрятать Лизу за границей им подсказал адвокат Андрей.

– Во-первых, Лиза там будет в безопасности, во-вторых, Вас, Андрей, шантажировать будет нечем – сказал он.

При этом он пообещал все хозяйственные хлопоты по поддержке Андрея в период его жизни в СИЗО, взвалить на свои, адвокатские плечи. Мол, в цивилизованном обществе так и должно быть: адвокат все организует, проконтролирует и подведет к исполнению. После чего продуктовые передачи Андрей стал получать только от адвоката. Но совсем не безвозмездно – адвокату в три раза было увеличено ежемесячное денежное содержание, а за прилично выполненную работу назначалось вознаграждение. Все расходы Андрея оплачивала, принадлежащая ему на праве частной собственности международная транспортная логистическая компания. Судя по тому, как быстро и без лишних вопросов компания производила расчеты за все услуги, которые через адвоката подтверждал Андрей, ее счета не были арестованы. Компания работала и имела прибыль. Штат сотрудников компании, который когда-то подобрал Андрей, прекрасно справлялся со своими должностными обязанностями.

Правда, адвокат пару раз заводил разговор о выдаче генеральной доверенности на кого-то из сотрудников компании. И доводы приводил убедительные: доверенность значительно ускорит оборачиваемость распоряжений и приказов по управлению компанией и с него, адвоката, снимет часть нагрузки по доставке документов на подпись и обратно, но Андрей был непреклонен – нет, и все!

– Но почему Вы, Андрей Васильевич, не хотите облегчить жизнь не только себе, но и всем своим сотрудникам, в том числе и мне? – несколько раз задавал он Андрею одинакового содержания вопрос.

– Этого не будет никогда, – решительно отвечал Андрей, – доверенность на управление моим имуществом я мог бы выдать единственному человеку – Лизе. Но у нее нет опыта работы, кроме того, мы с ней не состоим в браке, поэтому и здесь я торопиться не буду. Видите ли, не хочу я на нее взваливать свои проблемы. Это мужские заботы – деньги зарабатывать и содержать свою женщину.

В течение последних шести месяцев следователь из жизни Андрея исчез. Андрей рассматривал сей факт, как негативное явление и нарушение его прав на справедливое расследование предъявленного обвинения. Адвокат согласно кивал головой, принимался где-то, чего-то добиваться, обращаться с претензиями по инстанциям, но ситуация не менялась. После суеты адвокат убедительно доводил до своего подзащитного, что следователь был в отпуске, затем завершал расследование одного, очень важного коррупционного дела, после чего болел. Время шло, следователь допросы прекратил, время содержания подозреваемого в СИЗО систематически продлевалось.

Андрей понимал, что следователь намеренно тянет его дело, растягивает во времени, а если точнее, то просто ломает его, Андрея, психику. Адвокат беспомощно разводил руками, соглашался, что это, да, беспредел, но он в рамках закона.

– Что делать, – убеждал он Андрея, – придется терпеть. Мое ходатайство о возобновлении расследования снова отклонено, жалоба возвращена без рассмотрения.

«Нужен другой адвокат, – размышлял Андрей, – этот явно не старается ускорить процесс. И тут все понятно – материальная выгода. Практически он не выполняет юридическое сопровождение возбужденного против меня уголовного дела, а гонорар получает не просто приличный, а несоизмеримо с оказанными услугами большой. На данном этапе мой адвокат работает простым курьером. Продукты и переписка с компанией, и это вся его юридическая работа. Купил продукты, передал их мне или получил бумажку и вручил бумажку. С этим надо

что-то делать, но как? Адвоката подбирала и заключала с ним договор Лиза, но она далеко, а запиской попросить ее, чтобы отозвала договор, и нашла другого адвоката я не могу – доставка записок снова-таки за адвокатом. Такую записку он просто не передаст». Образовался тупик и выход из него Андрей не видел.

Однако, был и положительный момент прошедших шести месяцев: вместо бомжей, которых Андрей по версии следователя должен был бояться, но почему-то не боялся, в его камеру стали подселять обычных людей, подозреваемых в крупных и не очень крупных мошеннических и экономических преступлениях.

Но здесь-то было все предельно понятно – В СИЗО поменялось руководство. Подполковник милиции, Семенов Александр Владимирович, не просто носил мундир, но еще наизусть знал все законы страны, строго их исполнял и того же требовал от своей команды. В первую очередь он распорядился провести полную ревизию подследственного контингента, рассортировать их по признакам преступлений и расселить по камерам в полном соответствии с Законом.

– Вы должны четко понимать: в стенах СИЗО содержатся не преступники, а пока подозреваемые, судом они могут быть оправданы. Ну, а если их все-таки признают преступниками, то отбывать наказание они будут в колониях. И это уже не наша территория. Ну, а пока, противозаконные, никем и ничем не обоснованные требования оперов и следователей по ужесточению условий содержания подозреваемых лиц мы отклоняем, но при этом не забываем неукоснительно следовать Законам нашей страны, – отдал жесткое распоряжение новый начальник СИЗО подчиненному коллективу.

Подследственных рассортировали по «интересам» и их жизнь качественно изменилась. Так, кандидаты в экономических преступников получили в сокамерников своих коллег, совершивших аналогичные проступки. Приближенный интеллект, жизненные интересы и проблемы – это то, что позволяло вести равноправный диалог, что-то обсуждать и с некоторой пользой коротать такое тягучее, безысходное в тоске время. Время своей короткой земной жизни.

Вскоре обитатели тесной камеры знали все обо всех сидельцах: кому, сколько лет планирует следователь и за что. Андрей вникал в каждую ситуацию временных коллег по несчастью и результат пытался вписать в правовое поле страны.

Его вера в верховенство Закона продолжала доминировать в сознании. Закон, конечно, когда-то, через какой-то промежуток времени обязательно все разложит по полочкам справедливости, пройдет время и наступит справедливость. В это он все еще верил!

Но в его жизни было еще одно многоточие, которое он тоже пытался расшифровать, понять, осмыслить – «что, когда и почему в его жизни сложилось не так, как у других? Какие важные моменты своей жизни он пропустил или просто не заметил?» Разгадка где-то была, может, в прошлой жизни? И чьей: его или родителей? В растянувшиеся до бесконечности дни его жизни в СИЗО Андрей восстанавливал в памяти по минутам, часам и дням прошлую жизнь: свою, брата Игоря, родителей своих и первой жены, складывал все в пазлы. Сошлось, не сошлось? Где источник его несчастий и бед?

– Думай, думай, – приказывал он себе, – вспоминай и анализируй! И ты обязательно вычислишь не только сам вирус, уничтоживший всю твою семью, но и того, кто культивировал эту заразу, а затем посадил в семью Балашовых, мою семью.

Когда-то, давно, в прежней жизни его мама, Мария Андреевна, называла своего младшего сына солнечной батареей. С детских лет она разглядела в Андрюше незаурядные способности лидера и организатора от бога.

– Внешне похож на меня, но гены от отца, – думала она, – хорошо ли это? Быть всегда впереди всех, задача не из простых. Останется ли у моего сыночка время для собственной, личной жизни? У его отца такого времени не было. Горел на работе и сгорел... Как остано-

вить сына? А нужно ли? Вырастет, и свою жизнь построит так, как правильно. Он умный, он справится.

А между тем, подвижный, коммуникабельный Андрюша был в центре внимания всегда и везде: детский сад, одноклассники, вся школа.

Массовые или просто публичные мероприятия, вечеринки, диспуты, концерты, шоу: он там – организатор, лидер, вдохновитель. Для организации и проведения школьных вечеров, диспутов, тематических лекций или обзоров, общих родительских собраний директор школы, в которой он учился, создавал оргкомитеты. Так проще, да и ответственность в этом случае коллегиальная. И уже с седьмого класса в их состав обязательно включали Андрея Балашова. В старших классах Андрей стал незаменимым организатором и ведущим всех школьных мероприятий. Он ни на минуту не мог оставаться в одиночестве, всегда в центре событий, в окружении людей разных возрастов. И ведь заметит и разберется с драчунами из младших классов и нездоровыми амбициями одноклассников. За то любили, уважали, завидовали, боялись, а некоторые друзья-товарищи из-под полы, тайком, ненавидели Андрея.

Андрей вспоминал, благо время для этого было в избытке, и снова, минуту за минутой, день за днем проживал свою жизнь.

Родители Андрея для своего второго сына имя не выбирали. Андрей – и не иначе. Впервые, оба деда семьи Балашовых были Андреями, и оба были уважаемы не только домашним кругом, но и трудовыми коллективами, в которых работали. А во-вторых, старинное толкование имени: «мужественный или тот, кто вступает в бой», внушало уважение. Всякое в жизни случается, иногда и в бой есть необходимость вступить.

В семье Балашовых были два сына с разницей в возрасте в целых длинных десять лет, что совсем не мешало им дружить и преданно любить друг друга. Старший, Игорь, с младенчества опекал брата лучше самой опытной няньки. Родители совершенно спокойно могли задержаться на работе или куда-то отлучиться по своим делам, а дома у них в это время тишина и порядок. Андрюшка сыт, умыт, спокоен. А иногда к приходу родителей уже тихонько посапывает в своей кровати.

Дети росли, выросли, но в их отношениях ничего не изменилось – самая преданная дружба и братская любовь. Игорь оставался старшим братом, и только его выговор или поручение младшенький любимчик всей семьи Андрюша безоговорочно терпел и принимал к исполнению. И это при том, что критику в свой адрес он не воспринимал. Никак! Никогда не оправдывался, не доказывал свою правоту, выслушивал нравоучение от взрослых глядя им в глаза, согласно кивал головой, мол, да, виноват. Затем уходил и, скорее всего, сразу все порицания и наказания забывал.

Ребенок от рождения был лидером, командиром всегда и во всем. Соперничество от сверстников он не допускал. Никогда! Отсюда упрямство в достижении желаемого, непослушание и поступки, которые взрослые иногда относили к разряду хулиганских. И если бы не брат Игорь, то пришлось бы Андрюше частенько сиживать на скамье штрафников или обживать позорный угол в своей детской.

Глава семьи, Василий Андреевич Балашов, в то время был уже состоявшимся человеком, с устроенным бытом и престижной работой – генеральный директор крупнейшего в СССР завода подъемного оборудования. Мама, Мария Андреевна, работала там же, начальником планового отдела.

Но устроенный быт, материальный достаток и престижная работа Балашовым с неба не упали – изначально были тяжелые времена, и жили в общежитии для малосемейных, и зарплатный день кошельки особенно не наполнял, и работа с раннего утра и до поздней ночи. Василий Андреевич был первым директором завода, вернее даже не завода, а того, что строилось на огороженной земельной территории в километрах пяти от города. А Мария Андреевна в годы строительства завода осуществляла мониторинг расходования средств, выделен-

ных союзным бюджетом на строительство завода. И это при том, что в технологиях и качестве строительных работ она мало чего понимала. Но не стеснялась задавать вопросы и консультироваться. Именно поэтому, на строящейся завод дирекция периодически приглашала разработчиков проекта. Отсюда качество и соблюдение сроков строительства.

Василий Андреевич и Мария Андреевна в те годы работали много, не жалея ни сил, ни здоровья. Ненормированный рабочий день, без выходных, праздников, а иногда и перерыва на обед. Их первенец Игорь за долгие годы строительства завода привык к самостоятельности во всем – дом, а точнее две крохотные комнаты в «малосемейке», детский садик, школа. И обеды, завтраки, а иногда и ужины – из кастрюли, которая всегда стояла на плите, и из крохотного холодильника, где для него лежали уже очищенные сосиски с сардельками и нарезанная ломтиками докторская колбаса.

И только, когда завод был уже построен, и приступил к выпуску подъемного оборудования, город, да и вся республика, узнали, что фамилия директора завода Балашов, зовут Василий Андреевич, что на самом деле это заслуженный человек, женат на черноглазой красавице-татарке, есть у них сын, учится в такой-то школе... и далее и далее по списку, все сведения о высокопоставленном человеке, который постепенно превращается в публичную личность и гордость страны.

Материальный достаток семьи значительно, а скорее даже многократно, увеличился, жилищные проблемы решены самим же заводом, даже помощь материальная тем же заводом оказана на обустройство огромной квартиры. В квартире появилась японская мебель из натурального дерева, чайные столики, изящная посуда ручной работы, оборудование и кухонная утварь от иностранных производителей самой высокой пробы.

Когда Мария Андреевна с сыном Игорем впервые побывали в своей новой квартире, там уже было все, что превращало быт в нарядную, уютную, комфортную жизнь.

А соседи судачили, обсуждали, шептались и ползучие слухи растекались по всей стране:

– Вот, значит, как люди нынче живут! Наш сосед Витюша им мебель расставлял, так рассказывал, что шкафы прям в Японии уже вещами заполнены. Там разные халатики, пижамки, кухонные полотенчики. А белье-то, белье... Простынки и наволочки все в кружавчиках, а застежки на молниях. Одежда пушистые, легонькие, невесомые! А посуда какая! Все готовенькое из Японии повезли, а здесь только принимай и расставляй по своим местам. А наша директорша, самая, что ни есть барыня... Она почитай еще ни одного разочку в квартире не была. Все муженек старается. Машины подгоняет к дому, огромные, затянутые брезентом, а в них битком набито, только успевают распаковывать, да в дом вносить. Оно и понятно, квартира огромная, комнат пять или шесть. Все заполнить надо. И сколько же все это богатство стоит? Небось, хозяин в свое жилье немеряно денег вложил. А что их, эти самые деньги жалеть? Не его ведь они, а государственные...

Говорили, говорили и донесли слухи сначала до обкома коммунистической партии СССР, а уж потом о богатстве директора завода подъемного оборудования в городе N... и центральный Комитет КПСС был уведомлен. Там новость обсудили и приняли решение – а пусть Балашов сначала на ноги завод поставит, сборку и наладку грузоподъемного оборудования на поток поставит, клиентскую базу соберет, а уж потом и разберемся. Соответствующее поручение КГБ было сделано – наблюдать, наблюдать, глаз с него не спускать. Время придет, тогда и разберемся. Надо же, барин! Завод, однако, союзного значения, и руководить им должен коммунист с безупречной репутацией.

А муж и жена Балашовы тем временем решили второго ребенка завести. Андрюшка родился, толстенький, здоровый паренек. Мария Андреевна пару месяцев побыла дома, возле малыша, а потом вышла на работу.

В семье появилась чопорная женщина. По своим обязанностям – няня для детей, для соседей и сослуживцев – дальняя родственница из Казани. Не одобряли в те времена барские

замашки на прислугу. Андрюшке год исполнился, когда Игорь оттеснил няню от своего брата и стал его фактическим опекуном. Но няню из семьи не уволили, она так и осталась у них управляться с хозяйством. Игорю никто не отменял учебу в школе, дополнительные занятия музыкой, с репетиторами по английскому языку и в спортивных секциях.

Родители мальчиков тем временем научились совмещать работу с воспитанием детей. Строгость от папы и неусыпный мамин контроль. Хотя что в жизни детей Балашовых нужно было контролировать? У Игоря в дневнике только «пять», в детском саду у Андрея ни одного замечания. Возможно, были и невыученные уроки Игоря и шалости от Андрея, но взрослые люди, преподаватели и воспитатели, дружно об этом молчали, как бы себе не навредить. Родители у этих особенных детей кто? Вот именно, высокопоставленная, элитная каста, «хозяева жизни».

Так и жили Балашовы дружной семьей, где друг друга любили и души не чаяли в младшеньком Андрюше.

Уже Игорь в университет поступил, добывать специальность, а Андрей в школу.

Ровная жизнь текла по ровной дороге, без ям и колдобин. Да и какие ямы? Глава семьи, почитаемый, уважаемый в городе, да что в городе – в огромной стране, человек. Успешный генеральный директор процветающего завода. Кто бы посмел делать замечания, критиковать его семью или причинять какой-нибудь вред детям? Такие смельчаки в городе отсутствовали. Пока...

Балашова Василия Андреевича арестовали в одну из темных осенних ночей. В квартиру позвонили, вошли двое и велели собираться. Василий Андреевич не знал, как собираться и нужно ли брать с собой какие-то вещи. Он надел свой обычный директорский костюм, с белой рубашкой и черным галстуком. В том и ушел, видимо, полагал, что утром все прояснится и его отпустят домой. Но не отпустили.

Утром позвонили Марии Андреевне и приказали ей немедленно собрать вещи для Василия Андреевича, назвали адрес, где эти вещи примут. От неожиданности случившегося Мария Андреевна растерялась, долго стояла перед шкафом с вещами мужа, затем начала выкладывать из него мужские костюмы, рубашки, пижамы и белье. Рядом поставила большой кожаный чемодан, видимо, для упаковки отложенных вещей.

Игорь наблюдал за бестолковой суетой матери, затем позвонил брату своего бывшего одноклассника, который работал в каком-то правоохранительном учреждении. За несколько минут разговора выяснил у него какие «вещи, нужны и при этом дозволены» арестованным лицам. Так появился небольшой список личных вещей для Василия Андреевича – спортивный костюм, две пары нижнего белья, носки, тапочки, да еще средства личной гигиены. И небольшая дорожная сумка.

– Мама, – Игорь усадил мать в кресло, – я сам соберу вещи для папы, и сам их отвезу. А ты подумай о том, как нам у каких-то друзей или где-то еще спрятать твои драгоценности и другие ценные вещи, которые у нас могут описать, а затем арестовать. У нас будет обыск. Так мне сказал человек, которому я сейчас звонил. Мама, очнись и займись спасением нашего имущества, или хотя бы его части.

Следующая неделя прошла в ожидании обыска. Мария Андреевна обзвонила друзей своей семьи и просила их принять на недолгое хранение ценные вещи, которые она соберет. Но друзья стремительно приобретали статус «бывших» и уклончиво отвечали, что да, они бы с радостью помогли, но именно сегодня, сейчас, те или иные обстоятельства не позволяют им это сделать. Этот вопрос они, конечно, рассмотрят, но позже. Сразу и резко никто не отказал, все хором высказали сочувствие и сожаление по причине ареста Василия Андреевича, и пожелали скорейшего урегулирования вопроса. Вроде бы не отказали, но и не помогли. Не отказали, так как в сознании таилась мысль, что Василия Андреевича могут в скором времени отпустить и

восстановить в статусе. Вот он и вспомнит их поведение в минуты беды. Не помогли от трусости, из-за позиции как бы чего не вышло.

Но все-таки объявился один человек, который нашел не только место, но и сам помог все собрать и поздней ночью, чтобы исключить любопытные глаза соседей и прохожих, погрузить в машину. Шкатулка с драгоценностями Марии Андреевны, деньги, которые она торопливо сняла со своих сберегательных счетов, шерстяные ковры ручной работы и другие, ценные вещи или просто дорогие для семьи реликвии.

Этим смелым человеком оказался брат домработницы Балашовых. Три года назад он освободился из мест лишения свободы, не мог найти работу. Сестра попросила Василия Андреевича устроить на работу потерявшего репутацию брата. И тот помог – без волокиты и дополнительных проверок человека приняли на работу на завод. Благо руки у него были золотые, работающие. В тюрьме справлялся с работой фрезеровщика, не только профессию из ПТУ сохранил, но и опыт приобрел.

Вот, он-то и был единственным другом семьи Балашовых. Единственным из множества людей, которые ранее настойчиво искали точки соприкосновения с семьей Балашовых. И многие находили... Если не дружбу, то приятельские отношения, помощь, поддержку. И вот итоговое завершение человеческих взаимоотношений, построенных на корысти и угодничестве.

Вещи спрятали в надежном месте, ключ от хранилища передали Марье Андреевне. Ключ она положила в свою сумочку, надеялась, что уж женскую сумочку перетрясать точно не будут. Да, и о чем может рассказать милиции или, возможно, подсказать какую-то версию простой ключ от навесного замка?

В ожидании обыска Балашовы вздрагивали от каждого стука входной двери в подъезд. А шаги по лестнице воспринимались как начало грядущих бед. Дни текли друг за другом, вот уже и месяц прошел с момента ареста Василия Андреевича. Но с обыском в квартиру к Балашовым суровые мужчины в черной одежде так и не пришли.

Обыска не было, как не было и вестей от Василия Андреевича. Где он сейчас, и что с ним происходит семья не знала. Передачи для него не принимали, свидания не разрешали, имя следователя по делу не называлось. Только через год Марию Андреевну пригласили в КГБ и ознакомили с некоторыми выдержками из решения суда по уголовному делу бывшего директора завода подъемного оборудования.

За это, это, а еще вот это Балашова Василия Андреевича приговорили к лишению свободы на срок десять лет, с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Мария Андреевна осипшим голосом попросила стакан воды и внезапно потеряла сознание. Очнулась она все от той же воды, которой ей брызгали в лицо.

Для семьи Балашовых началась новая жизнь. Мария Андреевна разучилась не только смеяться, но и улыбаться тоже. Сослуживцы по заводу за ее спиной что-то обсуждали и мерзко хихикали.

Вскоре на заводе появился новый директор, он же бывший заместитель Балашова. Это по службе, а по жизни друг и попутчик бывшего директора на все шашлыки и вечеринки.

В первый день своего директорства пригласил он к себе в кабинет жену своего предшественника, бывшего друга и так далее... Разглядывая свои руки и несколько смущаясь, он сказал:

– Мне очень жаль, Мария Андреевна, специалист Вы очень хороший, – новый директор в былые годы Марию Андреевну засыпал комплиментами и цветами по любому случаю или даже просто так, – но я вынужден освободить Вас от занимаемой должности. Сами понимаете, Ваш муж не оправдал доверие партии и народа, замарал себя, да и Вас в том числе, уголовным преступлением. А планирование заводских показателей, в том числе доходов и расходов, можно доверить только человеку с безупречной репутацией. Это денежные средства! На Вашей же репутации огромное пятно. Правда, этот вопрос мы только что обсудили с секрета-

рем партийной организации завода и сочли возможным оставить Вас на работе, но только в качестве рядового служащего. Например, экономиста в том самом плановом отделе, которым Вы во времена Балашова руководили.

Новый «шеф» еще что-то говорил, скорее всего, из цикла бесед о бдительности советских граждан и происках уголовных элементов, для пущей убедительности постукивал пальцем по столу и строго поглядывал на преступницу Балашову. Она же этим временем тяжело встала и, натыкаясь на стулья, пошла к выходу из до боли знакомого ей кабинета.

В тот же день Мария Андреевна написала заявление с просьбой об увольнении. И на следующий день уже на работу не вышла. Директор на такое стремительное увольнение начальника планового отдела завода необдуманно согласился. Через два-три месяца горько пожалел. Оказалось, что плановый отдел не был готов к самостоятельному планированию производства. Каждый сектор самого большого отдела завода занимался своими, узкими вопросами. Сводные планы и отчеты исполнялись начальником отдела, самой Балашовой. Новый директор, он же бывший друг семьи, несколько раз звонил Балашовой, снова сыпал комплиментами, напоминал о дружбе и просил хотя бы временно вернуться на завод. На ту должность, которую она назовет сама. Мария Васильевна молча слушала его монолог, потом так же молча отключала телефон.

Не сразу, но новую работу она нашла. Не такую денежную и престижную, как раньше, но здесь за ее спиной не судачили и не поливали грязью, как в администрации завода. Балашову приняли на работу в банк, в котором завод с первого момента своей регистрации в качестве юридического лица обслуживал свои счета и получал кредиты. Балашову там знали лично и ценили за аналитический ум, честность и порядочность. Лишние вопросы в новом коллективе Балашовой не задавали. С работой она справлялась, а что молчит и не улыбается, так беда, она у всех стирает радость из жизни и краски с лица.

В дверном замке камеры заскрипел ключ, воспоминания прервались.

Дверь открылась, вошел надзиратель и приказал:

– Балашов, на выход, – и добавил, – начальник СИЗО вызывает. По какому вопросу? Не знаю. Сам тебе скажет.

Андрей шел по темному коридору вдоль закрытых дверей камер и думал: «Не забыть на чем остановился – мама и ее работа. Пока ничего нового. Все эти события сто раз оговорены и обсуждены в семье. Да, люди бывают разные. В жизни моих родителей присутствовали в большинстве люди хитрые, неблагодарные, лживые. Были и порядочные, правда, в единичных случаях. Наверное, это удел всех публичных людей. Сделаю я вот что: потихоньку начну составлять список людей, которых нужно будет проверить. Когда и как проверить? Найду время, не всю жизнь мне быть в неволе. Придет время, выйду на свободу и в первую очередь разберусь, кому мешала моя семья. Или лично я?»

Начальник СИЗО листал какие-то бумажки, подшитые в новую, синюю папку.

– Здравствуй, Андрей, – доброжелательный голос, протянутая для рукопожатия рука, – присаживайся, поговорить надо. Да, ты не напрягайся. Я тут документы из сейфа бывшего хозяина листал и неожиданно обнаружил вот эту папку. А в ней твои заявления в прокуратуру и следственный комитет о возобновлении расследования возбужденного против тебя уголовного дела. Как видишь, все они в руки адресата не попали. Застрали в этом сейфе. Причину я не знаю, поэтому и обсуждать ее не будем. Но ты можешь снова написать аналогичные заявления, и я тебе гарантирую, что они будут отправлены по указанному адресу. Думай, и пиши. К сожалению, я не имею права передать найденную мной папку тебе, она подлежит уничтожению. Ты человек умный, напишешь другие, аналогичные заявления. Не зря тебя следователь здесь забыл. Бумага и ручка есть? Найдешь? Тогда отправляйся в камеру, и за работу.

Два заявления – в прокуратуру и следственный комитет, почти аналогичного содержания, по какой причине прервано расследование возбужденного против него уголовного дела,

Андрей написал за несколько минут, почти на автомате. Это был больной вопрос, многократно обдуманный и осмысленный. Разложил бумаги по конвертам, написал заученные наизусть адреса.

«А почему бы мне одновременно не заменить своего адвоката? – задал себе вопрос Андрей, – да, наверное, самый подходящий момент! Пока следак будет собираться ко мне в гости, глядишь, я успею не только подобрать себе адвоката, но и договор с ним заключить».

Готово! Три конверта переданы надзирателю. Дальше цензура, и снова ожидание. Ждать, ждать и думать: почему, зачем?

«К вопросам «почему и зачем?», пожалуй, следует добавить еще один «кто?», – вернулся к своим размышлениям Андрей, – кто тяготится моим присутствием в той жизни, которая называется свобода? Список из потенциальных врагов, это самое правильное в моей жизни решение. Итак, возвращаюсь к родителям».

Василий Андреевич Балашов на свободу вышел через семь лет. Досрочное освобождение по болезни. Старый, измученный человек робко позвонил в дверь и тихо спросил:

– Пустите? – увидел слезы, которые непрерывной струйкой потекли из глаз Марии Андреевны и безжалостно добавил, – Маша, ты можешь от меня отказаться, не обижусь. Пойду устраиваться в больницу на постоянное жительство. Я ведь умирать прибыл.

Болезнь Василия Андреевича прогрессировала и не лечилась – неоперабельный рак. Доживал свои последние дни он дома. От госпитализации они оба – мать и отец, отказались. Им нужно было наговориться! Отец лежал, а мать сидела рядом и держала его за руку. Всегда сдержанная и немногословная мать тихо-тихо, шепотом, ему что-то говорила-говорила, а он слушал и из его глаз редко, но все-таки скатывалась слеза.

Мария Андреевна научилась сама делать мужу уколы. Каким-то внутренним чутьем она распознавала у него начало приступа дикой боли и хваталась за шприц. После очередного укола он не проснулся, ушел из жизни. А Мария Андреевна еще долго сжимала в своей руке холодную руку мужа и что-то тихо шептала. Ему напутствие для жизни в параллельном мире, или, возможно – утешение себе, оставшейся здесь, в земной жизни, в тоске и одиночестве.

Хоронили Василия Андреевича тихо и скромно. От поминальных столов решили отказаться. Не совсем, конечно, традиционный стол с бутербродами и бутылкой водки все-таки накрыли, но к водке и бутербродам никто не притронулся. Провожающих Василия Андреевича в далекий путь было всего несколько человек – своя семья и два-три новые сослуживцы Марии Андреевны. Заводчане проститься со своим первым директором не пришли. По слухам, изначально на заводском профкоме рассматривали вопрос об организации похорон Балашова Василия Андреевича. На повестке дня вопросов было много – кто выступит с некрологом, какие венки купить, где похоронить, какой памятник заказать. В самый разгар дискуссии в кабинет профкома зашел секретарь парторганизации завода и резко, с порога заявил:

– Кого вы собираетесь с почестями хоронить и тратить заводские деньги? Он бывший зэк. Он вор и мошенник. Партия таких не прощает. Мы с директором завода обсудили этот вопрос, нашего согласия на официальные мероприятия при прощании с Балашовым нет.

В это время дела на заводе складывались не совсем хорошо. Производственные показатели упали, большая часть клиентов отказалась от заказов, зарплата снизилась, численность работающих сократилась. Четвертый по счету после Балашова директор завода только-только приступил к своим обязанностям, был растерян, подозрителен, заводскому активу не доверял. Место его главного советника и друга в первые месяцы директорства занял секретарь парторганизации. Наверное, в то время поведение нового директора завода было оправдано многими факторами из жизни советских людей – застой экономики, падение уровня жизни граждан, тихая деградация всех ценностей. А вот бессменный секретарь парторганизации завода Евлазин Георгий Кузьмич, наоборот, чувствовал себя уверенно. Директора менялись, но заводская партийная организация от такой текучки высших кадров никак не пострадала, а наоборот,

набирала вес и авторитет. Правда, уже через несколько месяцев оказалось, что это было временное явление. Но пока, областная структура партии хвалила Евлазина, и верила, что именно его талантами на заводе была создана ячейка из настоящих большевиков, грамотных политически и морально устойчивых. И возглавлял ее нестигаемый коммунист.

«Этого коммуниста я и запишу в свой список под номером один, – решил Андрей, – а под номером два у меня будет записан папин друг и его первый преемник по директорскому креслу. Кстати, это его имела в виду наша горничная, когда говорила, что замечала, как он на нашу маму поглядывал влюбленными глазами? Не здесь собака зарыта? Может быть, может быть...»

Андрей взял в руки свой блокнот для записей и карандашом размашисто написал:

– Секретарь парторганизации завода подъемного оборудования Евлазин Георгий Кузьмич.

– Заместитель Балашова, затем директор завода Агеев Анатолий Петрович, кажется, был влюблен в Марию Андреевну, мою маму.

Глава 2

Свои услуги Андрею предложили пять юристов. Две недели из пяти претендентов Андрей выбирал себе адвоката. В его активе уже был опыт общения со своим нынешним защитником, причем, без результата его деятельности и показных усилий. Такая деятельность скорее квалифицировалась, как отрицательная, а не нулевая. Хотя почему отрицательная? Отрицательный результат, это тоже результат. А в данном случае результат был нулевым, он вообще отсутствовал. Адвокат Андрея в течение года получал от Андрея только деньги, в основном за доставку в СИЗО продуктов. Защита? Нет, защитой он не занимался. Сложилось впечатление, что и с юриспруденцией у него отношения натянутые, он банально ее не изучал. На этот раз у Андрея были определенные требования к личным качествам человека, который будет строить его защиту. Что он надеялся получить от адвоката? Ничего особенного или сверхъестественного – поддержку, построение диалога сначала со следователем, а затем и в суде.

Свой выбор он остановил на молодом юристе с небольшой практикой в хозрасчетной юридической консультации. Критерий оценки был прост – парень совсем недавно начал работать в юридической консультации, следовательно, пока не успел попасть в полную зависимость от оперов и следователей. Что касается знания законодательства, то при желании он быстро сможет адаптироваться в правовом поле. Даже используя опыт и знания самого подозреваемого. Андрей последний год целыми днями изучал законодательство своей страны и сейчас без запинок и раздумий классифицировал все преступления своих сокамерников.

Андрей подписал договор на оказание юридических услуг и только тогда понял, что на уровне подсознания его отбор нового адвоката был закончен сразу же после того, как он взглянул на резюме именно этого претендента. Имя адвоката было знакомо до боли, любимо и забываемо – Игорь. Старший брат, друг, защитник, учитель...

Игорь погиб при странных обстоятельствах через два года после смерти отца.

История его короткой жизни потрясала своей простотой и лаконичностью. Родился, учился, два года работал, погиб.

К моменту освобождения отца из тюрьмы Игорь окончил университет и был направлен на работу в Подмоскovie, на машиностроительный завод.

После смерти отца Мария Андреевна настоятельно уговаривала старшего сына вернуться домой. Аргументы приводила веские и убедительные – одиноко, тяжело, квартира давит пустотой, они с Андреем нуждаются в его поддержке.

Не по годам осторожный и вдумчивый Игорь на малую Родину возвращаться вообще не планировал. Трагедия отца, косые взгляды земляков, потеря лживых друзей, злобные смешки в спину – Игорь мечтал все забыть и на новом месте начать новую жизнь. Завод молодому специалисту выделил жилье, отдельная квартира в новом доме. Не большая, но своя, со всеми коммунальными удобствами. Игорь уже бытовую технику туда завез и первую нехитрую мебель – кухонный стол, кровать и диван. Возможно, и личная жизнь у него там могла устроиться. В заводууправлении работали девчонки, в основном молодые специалисты. Присмотрись и выбирай. Он уже почти присмотрелся... Но мама просит, и не просто просит, а настаивает. Игорь не смог маме отказать.

Он вернулся на постоянное место жительства домой, к маме и брату, занял свою прежнюю комнату, но сказал, что это временно, он обязательно устроит для себя отдельное жилье. Свою квартиру из Подмоскovie Игорь решил поменять на жилье в родном городе. Для начала объявление об обмене квартиры он разместил в городской газете и в местном телевидении. Вскоре, в множестве вариантов, начали поступать предложения. Выбирать было из чего. У

Игоря все получилось – квартиру он обменял. Местный вариант был намного лучше прежнего жилья – просторнее, качественнее, почти в центре города, рядом с домом, в котором жили мать и брат. Вскоре прибыл и контейнер с вещами из Подмоскovie. Андрей и Игорь перенесли все вещи и технику в квартиру, расставили по местам, которые определила мама. Мария Андреевна оживилась и повеселела. В ее жизни появились новые заботы и ожидание пусть небольшого, но все-таки праздника – Игорь обустроится, женится, дети появятся. Она станет любящей бабушкой, будет к ним приходить, кормить, нянчить и баловать всем. Заботой, игрушками, нежностью, всем, что делает детскую жизнь счастливой.

– Ну, хоть так, – радовался ожившей матери Игорь, – только ради того, чтобы мать вернулась в жизнь, мне давно нужно было переехать к вам. Конечно, наша с тобой малая Родина для нас стала мачехой, но что поделаешь, жизнь, она в полоску. Пока все получается, надеюсь, что и дальше будет так. Прорвемся, Андрюха? Мы с тобой вместе – это сила, это команда. Смотри, какая квартира! Теперь займемся работой. Как я понял, работы здесь непочатый край. Успевай только заявления писать.

На самом деле рабочие вакансии в городе были. Много. Но когда Игорь начал подыскивать себе работу, то оказалось, что в его услугах предприятия совсем не нуждались. Отказ, отказ, и снова отказ... В городе работали несколько крупных промышленных предприятий и каждое из них остро нуждалось в инженерных кадрах. Казалось бы, молодой выпускник университета, рабочий стаж и опыт по профессии на крупном российском заводе, положительные характеристики... но «вы нам не подходите», «вакансия уже занята» или оскорбительно, но просто «тебя на работу мы не примем». Знакомая фамилия делала свое дело – сын Балашова, вора, мошенника и изгоя коммунистической партии. Прошло полгода, но работа для Игоря так и не нашлась.

Мария Андреевна корила и винила в случившемся только себя: «зачем я уговорила сына перебраться к нам? Как я могла забыть свою личную историю, когда меня выбросили с завода, а потом бывшие коллеги по другим заводам при наличии у них вакансий мне дружно заявляли, что меня они на работу не возьмут. Игорь, умница и трудоголик, останется без работы? В былые времена уехал бы он на работу в Европу. А сейчас его партия из СССР не выпустит – сын преступника и почти врага народа».

– Игорь, все неправильно, как так можно? – со слезами в голосе возмущался Андрей, – что ты будешь делать? Давай мы с тобой уедем в другой город, устроимся, а потом маму к себе заберем. Например, в столицу нашей республики или в столицу СССР, российскую федерацию. Там знаешь сколько работы? Я тоже буду работать.

– Фантазер ты, Андрюшка, – похлопал брат его по спине, – ты давай учись. К тому времени, когда ты закончишь институт, я уверен, что история нашего отца забудется и ты без проблем не только на работу устроишься, но и карьеру сделаешь. А со своей работой я как-то разберусь сам. Возможно, на самом деле уеду. Да ты не огорчайся, если уеду, то совсем ненадолго. И еще хочу тебе, брат, один совет дать: учись только на «отлично», иначе будут проблемы при поступлении в институт. Снова отца вспомнят, могут и не принять.

– Я уже об этом думал, – ответил Андрей, – я сейчас институт себе выбираю в Москве. Экзамены я сдам и уверяю тебя, что обязательно поступлю в институт и получу высшее образование. Там и работать останусь.

– Вот это ты молодец, – похвалил брата Игорь, – правильное, взрослое решение. А сейчас запомни – в школе только «отлично».

Игорь по умолчанию не мог остаться без работы. Во-первых, это материальное обеспечение, без которого семью не заведешь, а о семье он мечтал. Во-вторых, для него работа была тем счастьем, которое он планировал получить от жизни.

Выход из этой ситуации оставался один – искать работу в другом городе. Мария Андреевна снова помрачнела, но сыну советы не давала, молчала и все о чем-то думала.

Как оказалось, она готовила себя к совершению неординарного поступка, несвойственного ей по умолчанию. Мария Андреевна никогда, ничего и ни у кого не просила. Она была уверена, что если кто-то захочет ей помочь, то поможет сам, без дополнительных просьб и нытья. Но в данной ситуации благотворители не обнаруживались, поэтому Мария Андреевна мучительно раздумывала, а не попросить ли ей самой. Тем более, что речь идет о благополучии ее сына. И она решилась...

Друг ее мужа, а ныне глава областного филиала Госбанка принял ее без колебаний и отсрочек встречи. Прием он ей назначил в тот же день, как только она ему позвонила. Беседа была короткой, но содержательной:

– Мария Андреевна, проблему Вашу я знаю. Не удивляйтесь, коллеги из банка, в котором Вы работаете донесли. Я уж было сам собирался Вам звонить, но Вы меня опередили. Игоря я знаю совсем не с чужих слов. Если Вы не забыли, то моя дочь и Игорь вместе учились в школе, а затем и в институте. Да, что там в институте – они в детском саду были в одной группе, – вспоминал банкир, – я не знаю известен ли Вам один эпизод из жизни наших детей, но в моей семье этот случай помнят. В детском саду моя Маринка в присутствии всей группы и воспитательницы заявила:

– Я запрещаю девочкам подходить и играть с моим Игорем. Вполне понятно, что девочки заволновались и спросили у Марины:

– А почему это Игорь твой? Он наш, всехний.

– И Маринка им ответила. Вы не знаете, что моя дочка ответила своим подружкам? А я знаю:

– Когда я стану взрослой, то выйду замуж за Игоря. Поэтому он мой. Правда, Игорь?

И Ваш сынок, Мария Андреевна, подтвердил, что Маринка говорит правду. Так, что мы с Вами когда-то были на пороге новых родственных отношений. Не случилось. Ну, да ладно. Жизнь такая штука, еще все может произойти. А теперь вернемся к вашему вопросу. Работа для Игоря. Дам я ему работу. Технический отдел банка, должность инженера за контролем государственных долгосрочных капвложений. Его образование и существующий опыт работы на производстве вполне соответствуют этому назначению. Что скажете, Мария Андреевна?

– Конечно, да – ответила Мария Андреевна и сразу же засомневалась, – а как к этому отнесется секретарь парторганизации банка? Конечно, сын за отца не отвечает, да и Василия Андреевича мы похоронили, но мало ли, что? Вас партия может не одобрить...

– Партия уже одобрила. Я говорил Вам, что сам собирался предложить Игорю работу? Говорил! И, конечно, же я предварительно свои действия согласовал с нашей парторганизацией. Обсудили, так сказать. Никто не высказался против. В свое время Василий Андреевич был нашим клиентом, честным, порядочным, грамотным и принципиальным. Да, что я рассказываю – Вы же вместе начинали строить завод подъемного оборудования. Как осваивались государственные капвложения Вам известно не понаслышке. Игорь пусть сегодня, если успеет, или завтра с утра, или в другое, удобное для него время, приходит с документами. И сразу в отдел кадров. Соответствующее распоряжение они получают. А дальше – работа. Надеюсь, Игорь достойный сын своих родителей.

Мария Андреевна домой летела на крыльях и впервые, за много прошедших лет на ее губах дрожала улыбка.

«Теперь все будет хорошо, – думала она, – у Игоря есть работа, он женится, пойдут дети. Я уже и мысли не допускала, что среди нашего бывшего круга общения есть нормальные, порядочные и хорошо воспитанные люди. Мне казалось, что нас окружали только корыстные, злобные завистники, а тут надо же – глава Госбанка, и он, видите ли, сам собирался нам позвонить и предложить сыну исключенного из партии и судимого за воровство человека, престижную работу. Возможно, он знает, что воровства не было. Сначала по решению расширенного заседания профкома и парторганизации завода Василию Андреевичу на самом деле была ока-

зана материальная помощь на обустройство жилья. И он ею воспользовался. Но потом мы с ним посоветовались и решили, что как-то это неэтично: директору завода покупать кастрюли, ложки и поварешки из средств прибыли завода. И тогда я сама все деньги в полной сумме помощи внесла на расчетный счет завода. Когда Василия Андреевича арестовали, на завод прибыла аудиторская проверка. Я им отдала приходный чек на всю сумму, возвращенной мной помощи, и до того момента, пока не прочитала заключение аудиторской проверки, твердо верила, что инцидент с материальной помощью директору завода исчерпан и Василий Андреевич на днях вернется домой. Но в своем заключении комиссия очень подробно описывала на что расходовалась прибыль завода. Оказание материальной помощи работающим заняло большую часть доклада аудиторов. Отдельной строкой, с большими подробностями, был описан единственный случай оказания материальной помощи директору завода. О том, что директор в конечном итоге этой помощью не воспользовался, аудит умолчал, возврат денег комиссией был не замечен. Я пробовала настаивать, но мне в глаза ответили, что я сама мошенница и требую то, чего на самом деле не было. Якобы никакой чек я им не передавала, а проводки по балансу они не нашли. Их просто нет! И только тогда я поняла, что совершила огромную глупость – я отдала оригинал платежного документа. Я не сделала копию, не попросила расписку от руководителя аудита о факте получения им от меня документа. Я тогда верила людям на слово. Честное, благородное, но это всего лишь слово. Его сказали и забыли. Так случилось и со мной – меня обманули. И пусть бы просто обманули, как-то бы я пережила. Но мне жизнь сломали, а Василия Андреевича отправили на проживание в параллельные миры. Время идет, а нашу семью все преследуют и преследуют. И, вот, наконец, какая-то справедливость... Неужели в конце туннеля засветился лучик света?»

Игоря приняли на работу. Он отремонтировал свою квартиру и переехал туда жить. Мария Андреевна все свои выходные проводила там – разложить белье, пересмотреть одежду Игоря, пополнить запасы в холодильнике. И шторы, занавесочки, картины. Она с любовью украшала жилище Игоря и одновременно присматривала место для детской комнаты. Тем более, что совсем недавно обнаружила в ванной комнате несколько шпилек для волос. Игорю шпильки не нужны, значит, это шпильки для женских волос.

О своей подруге Игорь ничего не рассказывал, а мать не спрашивала. Игорь большой мальчик, разберется сам, или сами, что тоже замечательно. Ей бы только внуков дожидаться!

Время шло, но Игорь со своей девушкой мать и брата не торопился познакомить. И все-таки девушку Мария Андреевна однажды увидела. Поздним вечером она после работы зашла в продовольственный магазин. А когда с сумками вышла на улицу, то увидела Игоря, не одного. Девушка держалась за его руку, что-то говорила, и они оба смеялись. Мария Андреевна спряталась за угол здания и оттуда еще несколько минут наблюдала за Игорем.

«Замечательно, замечательно, – радовалась она, – девушка красавица. И на Игоря смотрит влюбленными глазами! Пусть, сынок, тебе повезет».

К тому времени у Игоря появилось еще одно новое увлечение, скорее даже страсть: блестящая черным лаком отцовская «Волга». Машину перед самым своим арестом купил Василий Андреевич и поставил в гараж. С тех пор она и стояла в гараже, новое, сияющее красотой великолепие. Гараж с тех самых пор открывался редко и только с целью проверки, все ли там на месте. Следить за сохранностью гаражных запоров было поручено Андрею, и он добросовестно этим занимался. Мария Андреевна продавать дорогую, и к тому времени уже редкую машину не хотела. К тому же это память об отце. Она надеялась, что один из сыновей скоро сядет за руль и машина будет востребована.

Гараж был рядышком с домом, все расстояние около пару сотен шагов. Андрей, за редким исключением, каждый день открывал ворота гаража. Но не для того, чтобы посмотреть стоит ли там машина, а войти, открыть дверь машины и посидеть на кожаном сиденье водителя.

В первый раз Игоря туда повел Андрей. Открыл гараж и скинул с машины презент.

– Смотри, цела и невредима, – отрапортовал он брату.

– Да, – согласился Андрей, – ты хорошо выполнял свои обязанности. А теперь, пожалуйста, передай мне ключи от гаража, и от машины тоже. Проверю ее техническое состояние и, пожалуйста, сяду за руль. Ты не против?

– Нет, конечно, – радостно закричал Андрей, – меня покатаешь? Нет, не покатаешь, а несколько раз заберешь из школы. Из школы это еще не все – мы с тобой в столицу на футбол поедem? Да? Ну, хорошо, и в музей тоже. Согласен? А водить машину ты меня научишь? Ну, пожалуйста...

– Обязательно. Но это еще нескоро. Машине нужен техосмотр. Ее долго не эксплуатировали. Какая-нибудь система могла выйти из строя.

– Ты хочешь сказать, что загонишь машину на станцию техобслуживания? – с заметным разочарованием в голосе спросил Андрей. За много лет он привык ежедневно осматривать черную красавицу машину и чувствовать себя ее хозяином. На эту машину у него были свои планы.

– Нет, я этого не говорил, – засмеялся Игорь, – ты, брат, не забыл, что по специальности я инженер-механик. Машину буду тестировать сам. А ты будешь мне помогать. Но не просто помогать, а учиться. Чему учиться? Да всему – как ремонтировать, что ремонтировать, какие инструменты у хорошего водителя должны быть в гараже, а какие в машине. Водить машину, конечно, я буду тебя учить. Но есть условие – ты досконально, наизусть изучишь Правила дорожного движения, коротко они называются ПДД. И это без отрыва от твоей школьной учебы. Если запустишь учебу, то все наши договоренности аннулируются. Ты знаешь, как мама хочет, чтобы ты школу на «отлично» окончил? А маму мы, брат, с тобой не имеем никакого права огорчать. Ты с этим согласен? И хорошо, что согласен. Нам с тобой маму нужно беречь!

– А я, что плохо учусь, или маму огорчаю? – не сдержал свое возмущение Андрей.

– Пока к тебе таких претензий нет. Но в жизни всякое случается, поэтому помни – от школы тебя никто не освобождал. Это основной пункт нашего с тобой договора. Если все понятно, то давай обсудим еще некоторые моменты. Если ты не возражаешь, то учить я тебя буду безопасному вождению. Что это значит? Все просто, ты научишься уважать твоих коллег на дороге и в обязательном порядке пешеходов. Не всегда пешеходы соблюдают ПДД, но ты уступи, прояви выдержку. Тогда неприятности и дорожные казусы обойдут тебя стороной. Договорились?

– Да, конечно, – Андрей соглашался на любые условия брата, лишь бы тот взял его к себе в подмастерье.

– Начинаем мы с тобой с инструментов. У нашего отца в гараже я не нашел даже простую отвертку. Поэтому мы делаем список инструментария, приобретаем и раскладываем на полочки. Которых, кстати, тоже нет.

– А когда приступаем?

– Мы уже приступили, – ответил Игорь, – сейчас привезем сюда старые кухонные шкафчики, которые достались мне от прежних владельцев квартиры, навешиваем их на стены в гараже и приступаем к приобретению необходимых нам инструментов. А если ты имеешь в виду график работы, то это будут только выходные дни. По будням я работаю, а ты учишься. Что нос повесил, планировал выходные с друзьями провести? Еще не поздно отменить наш договор. Решай!

– Да, что мне решать? – возмутился Андрей, – Выходные, так выходные. Я с тобой.

За несколько выходных дней обычная советская гаражная постройка внутри приобрела вид небольшой авторемонтной мастерской. Низкий потолок компенсировала удобная «смотровая яма». Братья Балашовы с увлечением разбирали, чистили и отправляли на прежнее место поддающиеся разборке детали машины. Андрей сиял от счастья: наступал долгожданный

момент окончания ремонтных работ. В предстоящие выходные дни Игорь планировал первый пробный выезд машины из гаража.

И надо же было такому случиться – Андрей именно в эти выходные дни был занят в школе. В субботу в школе проводились спортивные мероприятия, а Андрей по умолчанию был самым активным представителем своей школы. Конечно, исходя из сложившихся обстоятельств, в гараж он пойти не смог.

А Игорь очередной рабочий день в гараже не пропустил, и с раннего утра отправился туда один.

Выходные дни Андрея пролетели мгновенно. Школьный спортивный зал гудел и кричал возбужденной детворой. Спортивные команды из всех школ города сражались за первое место. Именно сражались, потому что победители отправлялись на аналогичные соревнования в столицу республики. Вторым днем соревнований принес победу команде Андрея, школа ликовала. Для ребят был накрыт длинный чайный стол. С благодарственными словами выступил директор школы, затем из школьной столовой вынесли огромный шоколадный торт, шедевр от школьного повара. Ребята засиделись до поздней ночи. Домой Андрей бежал бегом, там его ждала мама. Поздний вечер потрескивал морозом и хрустел снегом под ногами. Раскрасневшийся от мороза и усталости Андрей влетел в квартиру и сразу очутился в маминых руках.

– Андрей, ну что можно было делать до поздней ночи в школе? – выговаривала сыну Мария Андреевна, – Я понимаю, спортивные мероприятия, но не все двадцать четыре часа. Иди, пей чай и в постель. Ты не забыл, что завтра обычные школьные уроки. Кстати, про уроки – ты домашнее задание к урокам подготовил? Наверное, нет. Но уже поздно об этом думать, ложись спать. Утро вечера мудрее, с утра посмотри, что там вам задавали на понедельник.

Первый день недели, понедельник, Андрей начал с привычной суматохи – торопливое листание тетрадей и учебников, обжигающий чай с бутербродом и снова бег трусцой до самой школы.

На втором уроке дверь в класс Андрея приоткрылась, кто-то из-за двери позвал учительницу. Оказалось, что кто-то просит Андрея выйти из класса в коридор. В коридоре стояла Мария Андреевна, бледное, как полотно лицо, дрожащие руки. Рядом с ней топтался директор школы.

– Андрюша, у тебя есть ключи от гаража? – тяжело выговаривая слова прошептала Мария Андреевна

– Да, есть. Один комплект ключей у Игоря, второй у меня. А тебе они зачем?

– Мне, да? Зачем мне ключи? – бормотала Мария Андреевна, – Ах, да. Понимаешь, Андрюша, мне с утра на работу позвонили из Госбанка и спросили почему Игорь не вышел на работу. Я ему звонила, но к телефону никто не подошел. Тогда я поехала к нему домой. Там тоже никого не было. Одежда Игоря, в которой он ходит на работу, висит в шкафу. Похоже, что Игорь дома не ночевал. Он мог ночевать у своей женщины, но не пришел на работу... На Игоря это не похоже. Поедем в гараж, посмотрим, может он там, в машине заснул.

Гаражные ворота была не заперты, и Игорь действительно был там. Он спал в промерзшем до инея на стенах гараже, положив голову на рулевое колесо. Судя по едкому запаху, пару часов назад гараж был полностью заполнен выхлопными газами от работающего двигателя автомобиля. Потом двигатель, видимо, заглох и газ начал вытекать через неплотно прикрытые гаражные ворота наружу. Мария Андреевна кинулась к сыну, начала тормошить его и просить: «Проснись, сынок, проснись».

– Андрюша, подними его голову с руля, и посади брата удобнее. У него лицо, наверное, затекло. Скорее, Андрюша. Он обязательно проснется. Помоги ему.

Но это уже было невозможно – Игорь много часов был мертв. Андрей уговорил мать отойти от мертвого Игоря и попытался уложить его голову на спинку сиденья. Но дрожащие руки Андрея с этой задачей не справились.

– Нужно вызвать карету скорой помощи, – сказал он матери, – ты выйди на улицу, на воздух. Здесь угар, сама отравишься. Давай я тебе помогу, потом побегу домой, телефон нужен.

– Никуда не пойду, – отрезала Мария Андреевна, – как можно самим уйти, а Игоря оставить здесь? Он, по-твоему, не угорит? Нет, я буду с ним.

На шум в гараж зашел водитель из соседнего гаража.

– Что-то случилось, – тихо спросил он Андрея, – я зашел за машиной, слышу женский крик из вашего гаража. Вот, зашел. У Вас, похоже, беда? Могу чем-то помочь?

– Да, можете, – ответил Андрей, – дойдите до ближайшего телефона и вызовите неотложку. Я сам хотел, но не могу здесь оставить маму. Сможете?

– Да, прямо сейчас и поеду. Вы не волнуйтесь, вызову и неотложку, и милицию.

– А милицию зачем? – удивился Андрей, – Это мой брат, он угорел от выхлопных газов, нужен врач. Ему немедленно нужна помощь. Врачи еще могут спасти его!

– В данной ситуации врачи уже бессильны, молодой человек. Ваш брат мертв. Но неотложку нужно все-равно вызвать. И милицию. Я все сделаю. Ждите.

Первой приехала машина скорой помощи. Врач быстро осмотрел Игоря и спросил у Андрея:

– Милицию вызвали? Этот человек мертв уже много часов.

– Он угорел от выхлопных газов? – спросил Андрей.

– Причину его смерти я пока не знаю. Вскрытие покажет. Так милицию вызвали, или это сделать нам?

– Тот, кто вызвал Вас, обещал вызвать и милицию, – горе свело судорогой лицо Андрея, слова он выговаривал с трудом.

Мария Андреевна сидела на скамеечке в дальнем углу гаража, и не мигая смотрела на рабочую одежду сыновей, которая висела на стене.

– Пока приедет милиция, – врач открыл свой саквояж, – давайте мы сделаем вам обоим по укольчику. Хотя так поможем.

Через несколько минут возле гаража припарковалась милицейская машина. Из нее вышли несколько человек и вошли в гараж Балашовых.

– Мертв? – вопрос врачу, – Причина смерти криминальная или несчастный случай? Хотя бы предварительно.

– На затылке головы имеется гематома и небольшая ссадина с кровью, – ответил врач, – является ли это причиной смерти утверждать не могу. Вскрытие установит причину смерти.

– Хорошо, – согласился милиционер в штатской одежде, – Нам минут десять, труп осмотрим, сфотографируем, после этого можете его увозить.

Игоря, любимого Игоря, теперь уже его тело, положили на носилки, перенесли в неотложку и увезли. Мария Андреевна сидела в своем углу и все так же смотрела на черные комбинезоны. Что она там видела? И видела ли вообще? Ее больное от горя сознание переключило все ее внимание на засаленные мазутом рабочие костюмы сыновей. Живых сыновей...

Милиционеры обыскали машину, склеили отпечатки пальцев с двери машины на скотч, проверили все настенные ящики для инструментов. Свою работу в гараже они закончили, вышли из гаража и о чем-то тихо начали совещаться. Андрей в это время пробовал вывести мать из оцепенения:

– Мама, пожалуйста, очнись, – умолял он ее, – пойдём домой. Ты отдохнешь, придешь в себя и завтра мы с тобой пойдём в морг, к Игорю. У нас с тобой впереди много работы – надо похоронить Игоря. Мама, очнись!

Наконец Мария Андреевна посмотрела на Андрея, посмотрела живым, осознанным взглядом.

– Да, сынок, – тихо прошептала она, – пойдём домой. Для Игоря надо собрать одежду, отнесем в морг, чтобы там его переодели. Пойдём.

Когда они вышли из гаража, к ним подошел один из милиционеров.

– Вы уходите домой? – спросил он у Андрея, – Хорошо, идите. Сегодня мы Вас не будем задерживать. А завтра в первой половине дня Вы молодой человек должны прибыть к нам в отделение. Хорошо бы, чтобы Вы и свою мать прихватили. Отпечатки ваших пальцев нужно прокатать, ну и допросить, конечно, обязательно. Хотели прямо сегодня Вас обоих прихватить с собой, но потом решили, что наши мероприятия перенесем на завтра – мамаша твоя отрешенная какая-то, как бы чего не вышло.

– Да, лучше мы пойдем, – согласился Андрей, – а к кому нам завтра прийти?

– Да ко мне и подходите. Я капитан, фамилия моя Степанов, зовут Анатолий Викторович.

Дома Мария Андреевна снова впала в какое-то забытие. Тихо лежала на диване и смотрела в одну точку. На вопросы Андрея не отвечала, на его прикосновения не реагировала. Она не плакала и не спала почти всю ночь. Их домработница сходила в квартиру Игоря и принесла оттуда пакет с вещами. На следующий день этот пакет она отнесла в морг. Организовать похороны и все мероприятия, связанные с печальным ритуалом, обещали сотрудники Госбанка. Утром к ним домой пришли коллеги Игоря по работе, чтобы согласовать некоторые детали похорон, но посмотрели на Марию Андреевну и сказали Андрею:

– Ты мать свою присмотри. Может, ее нужно в больницу положить? Хотя мы давай знаешь, что сделаем? Сейчас прямо доложим обстановку нашему руководству, и мы думаем, что он сумеет договориться со здравотделом города, чтобы те поставили карету скорой помощи возле вашего дома. Да, и еще попросим, чтобы врач неотступно был при Марии Андреевне. Давай, парень, будь сильным!

В милицию Андрей с матерью так и не пошли. Несколько раз им напоминали телефонными звонками из милиции, что они должны прибыть в райотдел, но после того, как с ними поговорила врач, звонки прекратились.

– Андрей, – тронула врач за руку Андрея, – я им пообещала, что ты у них появишься минимум, как через неделю. А Мария Андреевна вообще не придет. Отпечатки пальцев им нужны? Пусть придут после похорон к вам домой и снимут эти самые отпечатки.

Похороны Андрей помнил смутно, а если точнее, то некоторые моменты его память вообще не зафиксировала. Он не помнил, как прощался с Игорем, кто и какие слова говорил при прощании, как опускали гроб с телом в землю. Этот промежуток времени исчез из его сознания. Возможно, это было даже хорошо. Для Андрея старший брат остался живым, улыбающимся, красивым человеком с ласковыми черными глазами. Игорь внешне был очень похож на смуглую татарку-мать. Через несколько месяцев после похорон Мария Андреевна сказала Андрею:

– Игоря отец к себе забрал. Василий Андреевич меня любил, и, безусловно, хотел, чтобы я была рядом с ним. Но, видимо, решил, что я должна с тобой остаться, а Игорь ему меня заменит. Я точно знаю, что он так решил. И если бы это было не так, то я давно бы ушла к ним. Добровольно и сознательно. Но не смогла пойти против его воли – я нужна здесь, нужна тебе.

После похорон Андрея все-таки отвезли в райотдел милиции – пришли к ним домой два милиционера, взяли Андрея с двух сторон за руки и посадили в машину.

Допрашивал его все тот же капитан, Анатолий Викторович.

– Для начала ты мне, парень расскажи, за что ты брата ударил по голове, фактически убил. Машину не поделили, или гараж? Что смотришь, как будто с печки упал? Разве это не ты его по голове ударил? У тебя руки были в крови, когда мы приехали. Не успел вытереть? У твоей матери то же самое – кровь на руках. Поэтому она и прикинулась невменяемой? Допросов боялась, вот и спряталась за спину врача. Скажи, я прав?

Капитан не уставал задавать и повторять нелепые вопросы, а Андрей, покачиваясь от бессилия и усталости сидел перед ним на стуле и молчал. Молчал не от того, что тогда знал законы и использовал свое право на молчание. Он молчал потому что не понимал, о чем его

спрашивает взрослый мужчина и не просто спрашивает, а покрикивает, издевается и держит его на этом жестком, неудобном стуле, в то время как ему так хотелось прилечь, закрыть глаза и увидеть смеющееся лицо Игоря.

Допрос закончился поздним вечером. Конвой отвел Андрея в маленькую комнату с узкой, потертой кушеткой и одним стулом. Андрей лег на кушетку, свернулся калачиком и его сознание отключилось. Игорь, мама, снова Игорь и мама...

Очнулся Андрей от тихого мужского разговора возле открытой двери в его камеру:

– Викторович, ты не забыл сколько парнишке лет?

– Это моя работа. Мне приказали, а приказы я привык исполнять без разговоров. Как он ночь провел?

– Никак он ее не проводил. Мгновенно отключился и постанывал во сне. Я ему с вечера еду принес, вон она стоит на столе. Не притронулся. Смотри, Викторович, не перегни палку. Случись что, так спрос-то, с тебя будет. Начальство, оно и есть начальство – они ручками разведут и скажут, что ничего знать не знали. Это капитан-беспредельщик парнишку угробил. Кровь на руках? Это ты такой аргумент придумал? А ты ее, эту кровь запротоколировал? Ты смывы сделал? Чья это кровь? Парнишка нос разбил и кулаком утерся. Да, ты сам все понимаешь не хуже меня. Смотри, кажется, проснулся. Веки задергались. Слышь, парень? Вставай, я тебе сейчас горячей еды принесу.

– Спасибо, – из пересохшего горла Андрея слова продирались колючими ежиками, – я не хочу.

– Ну, ничего, захочешь, – настаивал пожилой конвоир, а может, и не конвоир вовсе, а дежурный оперативник, – ко мне тут спозаранку жена приходила. Чай горячий, на травах заваренный, ну и прочая там еда. Она у меня мастерица на всякие вкусы. Уверен, тебе понравится. Я ей вчера рассказал, что у нас тут парнишка ночует, вот она с сумкой и пожаловала. Давай подкрепись, глядишь, и жизнь перестанет быть серой и бесцветной. За тобой уже приходили, велели привести снова на допрос. Я вот для тебя и выпросил полчаса, чтобы ты поел и пришел в себя. Потом отведу тебя в допросную.

Андрей выпил душистый, горький чай, к еде не притронулся. Его подташнивало, кружилась голова, ноги и руки дрожали мелкой дрожью. В голове билась одна мысль: «Как там мама? Ее тоже допрашивают? Или она лежит в больнице?»

И вот он снова сидит на неудобном, жестком стуле. Капитан сегодня уже не сидит напротив Андрея, он стоит возле окна и курит, курит, курит... Следующая сигарета прикуривается от предыдущей, густеет дымовая завеса в кабинете. В пепельнице растет гора окурков.

«Ты будешь говорить?», «Кто убил Игоря Балашова 1960 года рождения», «За что ты его убил?», «Твоя мать, Балашова Мария Андреевна, принимала участие в убийстве?», «Кто из вас двоих ударил Игоря по голове?»

Капитан оставил свое место у окна пошел к вешалке, где висела какая-то одежда. Его руки начали суматошно шарить в отвисших карманах поношенного черного пальто. Видимо, у него закончились сигареты. Андрей попытался развернуться на своем стуле, чтобы в сигаретном дыму снова видеть ненавистного суетливого человека, но от резкого движения его голова закружилась, затем отделилась от тела, медленно поплыла к потолку, глаза закрыла темнота... Андрей в позе сидящего человека упал со стула на неопрятный пол.

– Ты чего, парень? – внезапно охрипшим голосом спросил капитан. Он бросил непочатую пачку сигарет на свой стол и засуетился возле Андрея. Офицер тормошил бесчувственное тело мальчика, затем поднял его и попытался посадить снова на стул. Но Андрей снова и снова соскальзывал со стула на пол. Наконец, капитан сообразил, что малолетнего подозреваемого нужно уложить на диван для посетителей, который стоял вдоль противоположной стены кабинета и вызвать врача.

– Дежурный, – закричал капитан, – срочно врача в мой кабинет.

В кабинет допросов заглянул дежурный, тот самый, который утром пытался накормить Андрея:

– Ну, что, Викторович, дослужился? Служба такая! Эти сказки ты рассказывай кому-то другому, а не мне. Служат Отечеству и Закону! А ты сейчас кому служишь?

Андрея увезли на скорой помощи. Очнулся он на больничной койке, рядом с ним сидела мама и держала его за руку. Пролежал Андрей в больнице около месяца. В милицию его больше не вызывали, вопросы о причинах смерти брата не задавали.

Выписали Андрея из больницы в пятницу, перед выходными днями, чтобы адаптировался в домашней обстановке и с понедельника пошел в школу.

Домашний уют, тепло и котлеты от нянюшки, которая уже не работала в семье, но ежедневно «заглядывала на огонек, а вдруг пригожусь», как сама она поясняла очередное присутствие на кухне Марии Андреевны. Андрей заглянул во все комнаты квартиры: все, как в былые времена – ковры, картины, вазы и люстры вернулись на свои привычные места, на туалетном столике Марии Андреевны стояла знакомая много лет шкатулка с ее драгоценностями. Не было отца и Игоря. Их заменили портреты с траурной лентой на раме.

Андрей в первый раз вдруг отчетливо понял, что это навсегда. В этой жизни они с матерью остались вдвоем, никого больше. Андрей бесцельно бродил по пустой квартире, а в душе отчаянно билась безумная надежда, что, вот сейчас, в одной из комнат обнаружатся какие-то вещи или предметы, подтверждающие, что Игорь и отец живы, и всего лишь на несколько часов вышли из дома.

В комнате матери его ждал неприятный сюрприз. Рядом со шкатулкой с драгоценностями на туалетном столике матери лежали несколько бумажек, заполненных чернильной ручкой небрежными, плохо читаемыми словами. Каждая бумажка была пропечатана различными по форме и характеру штампами и печатями. Одна бумага свидетельствовала о смерти Игоря, такого-то числа 1985 года. Вторая – медицинское свидетельство о гибели Игоря. И далее документы из райотдела милиции – акт осмотра тела, официальный отказ милиции в возбуждении уголовного дела, заключение судебной экспертизы о причинах смерти Балашова Игоря, разрешение райотдела милиции на захоронение. Горестные бумаги снова больно ударили по еще неокрепшей психике Андрея. Видимо поэтому он сразу не заметил милицейское и судебно-экспертное заключение о причине смерти Игоря, а оно звучало следующим образом – причиной смерти Балашова стала его неосторожность при работе с транспортным средством, в следствие чего произошло отравление выхлопными газами от работающего двигателя. И ни одного слова о гематоме на голове и крови на руках Андрея.

«Непонятно, – сердце Андрея тяжело билось и не помещалось в груди, – а разве мне не предъявляли обвинение, в том, что это я убил Игоря? С мамой вместе»

Андрей помнил, что у Игоря на самом деле была большая шишка на затылке. Ведь он своими руками пытался поправить голову Игоря, чтобы тому, как просила мама, было удобнее лежать в машине. А потом на своих руках Андрей увидел кровь. Руки Марии Андреевны тоже были в крови, Андрей и это помнил, она тормошила Игоря, гладила его голову и умоляла проснуться. Андрей решился на разговор с матерью. Когда Мария Андреевна вернулась с работы, Андрей взял ее за руку и попросил:

– Ма, давай поговорим.

Мария Андреевна заглянула в глаза сына и ответила:

– Спрашивай!

Андрей долго и убедительно рассказывал ей о том, что его в райотделе милиции обвиняли в убийстве Игоря. На самом деле Игоря действительно убили. Он в это верит. И Андрей, и мать тогда точно испачкали свои руки в крови Игоря. Но сегодня он увидел заключение судебно-эксперта и там написано, что Игорь умер по неосторожности, при неправильном обращении с машиной. Якобы он умер от выхлопных газов машины. Конечно, доля правды в этом есть.

Если мать помнит момент, когда они зашли в гараж, то там было не продохнуть от выхлопных газов. И не умереть от них – это счастливый случай. Но Игорь был человеком осторожным и ответственным – он никогда бы не сел на место водителя, чтобы там подремать. И это в то время, когда работает двигатель машины, причем, на разогрев. Кто-то его ударил по голове. Игорь потерял сознание, его затащили в машину и оставили там умирать, а вернее угорать. Мама, ты должна знать – у Игоря были враги? Кто хотел его смерти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.